

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЧЕЛОВЕК!

Трущинуры - 15 мая 1968 г.
Ивановские преобретения 1969, 12 лет.

«Алексей и Ольга.» Так называется инсценировка по повести Герасимова «Будь отсюда», поставленная в областном драматическом театре имени С. М. Кирова. Но спектакль не о двух одиночках в мире, но о моральной связи советских людей, оказавшихся в спиднее голода, сумевших сохранить в себе человеческое в немалых условиях блокады. События здесь несложны, сложна и волно напряжения и противоречий внутреннее диалогиче способности.

О самой инсценировке. Ее авторы И. Герасимов и И. Цоковский, как мне кажется, выбрали все лучшее из повести, нашли способ заставить зрителей взглянуть в прошлое с позиций настоящего. Но это взгляд в прошлое не для того, чтобы ужаснуться и ужаснуться. Мы превозносим перед мужеством блокадного Ленинграда, воспеваем неслыханность его защитников и даем прошлору обет хранить и беречь настоящее.

В спектакле зрители отрываются из стихов О. Берггольц. Между сценами перед занавесом 2 чтеца: солдат с винтовкой (В. Шульман), страстно, с любовью и вначале стихотворение «Твоя юность», и блокадник ленинградца (А. Баткин), худая, с огромными глазами, с затанке, равной шали и помпезные валенки. Они читают стихи с особую роду жесткой выразительностью. Сказано это настоятельно, но потом спускается со всем строем спектакля.

Стихи приподнимают события из жизни небольшой группы людей до высокой патетики, до широкого обобщения о водные Ленинграда.

Образ Ленинграда присутствует в спектакле все время: это и застывшая группа ленинградцев, и ветляная красота Ленинграда, и его трагедия (художник И. Невский).

Есть в спектакле ода истерическое, но грозное действующее лицо. Это голод. Он неуслышан и сделал зеленоват-бледными лица людей, обесценил драгоценные камни, свел с ума молодых солдат внешне признаки интеллигентности (все они в прошлом студенты), сотворил и оргуль. Такими играют их авторы А. Соколов, Р. Смирнов. Поназательна и страшна сцена, когда исчезла лямка хлеба у Шустова (Р. Смирнов). Кажется, он готов броситься на предполагаемого виновника и растерять его со звериной жестокостью.

Голод сделал ядовитую ученого (В. Часовникова) растеряной, притихшей, ли интеллигентной, ревнатель, могальница — равнодушным и жизни и смерти (арт. И. Кожименко). Голод привел Ольгу в состояние «оледенения», заставил ее внутренне канализировать перед смертью: Артиста Е. Гусева, которую зногие не так давно видели в роли живой и горькой болгарской девушки Вонки в комедии Панчева «Четыре близнеца», поражает нас силой этого «оледенения»: безумство, неподвижно, как мрамор, красивое лицо, замедленно все движенье. И еще одна деталь: когда Казанцев, вытискивая и ней, застает ее в постели и, заставляя подняться, срывает вазальную поперх одеяла для тепла одежду, мы видим ее лежащей так, как лежат покойники в гробу: она в дорожном плаще, причесана, руки сложены в груди. Ольга приготовилась к смерти и умерла бы, если б не Казанцев.

Но спектакль убеждает нас в том, что голод не царь, не всемогущий владыка, и люди

жизнестерадивающая сила спектакля, его публичность, истинная светлая сила, которая плачет отчаяньем.

Средт людей, в большой или меньшей степени поддавшихся «оледенению» живет и действует солдат Алексея Казанцева, бывший студент, истерик. Есть в нем что-то от Дон Кихота — его бескорыстие, благородство, немного смешная манера говорить длинные речи, высокая голая фигура. Артист Ю. Машинки играет Алексея так естественно, проникновенно, искренне, он вызывает к своему герою глубокий симпатию. В повести есть внутренний монолог Алексея, а в монологе солдат «Самое бесценное только одно — живое... Самое главное — не дать ему погибнуть ни от пули, ни от голода, ни от чести». Алексей Машинки живет в сцене именно этой мыслью. В нем не замерли человеческие чувства: гнев, возмущение (он горюл забыть могальницу, требующую хлеб с ядовитой рытине мюль) и острая жалость к нему и его семье, пришедшая на смену возмущению. С женой

человеческой теплотой вспоминает Алексей мать. Это он подхватывает конвоирующего его Кошкина и жедет, поддерживая. Как будто голод не властен над ним.

Да и сама любовь его невыполнима. Любовь-жальность (и слово это не звучит здесь обидно), любовь-мечта, любовная эгоистического, слишком «нежного» элемента.

Авторы инсценировки и исполнители показали нам Ольгу молодой, наивной, и что хорошо, она под стать Казанцеву.

Очень интересна сцена в театре: Алексей и Ольга сидят рядом на стульях, и все, что происходит на сцене, мы видим отраженным на их лицах. И вот происходит чудо: воскресения: на бледном, безучастном лице Ольги появляется слабый признак внимания, интереса — на ясных глазах белая масса становится лицом живого человека. И причина этого в присутствии рядом с ней человека, который лезо асек сил, предру делится с ней своим душевным теплом.

Наша задача тепле люди, как Алексея Казанцева! Над ними смеются, его ругают, ему насмешливо удивляются, а у него хватает мужества оставаться са-

мим собой. И это мужество оказывается важнейшим и значимым смыслом этого слова.

Есть в спектакле еще один персонаж, который доливает и объясняет нам Алексея Казанцева. Это Дальский, человек из мира искусства, пришедший в казарму в шестром шарфе и с кулаками. Человек, по виду совершенно штатский, он проявляет такое присутствие духа, на такое способно только сильная натура. Такой Дальский в исполнении Д. Мерзимова.

Интересен в спектакле Кошкин, он отличается от персонажа повести большой человеческой доступностью, добротой. В исполнении артиста А. Старожилова это похитый, приключившийся человек, в котором все чудно: и любовь к дочери, и мечта за ее судьбу, и возмущение несправедливостью, «декабристичность» Казанцева — все обосновано, искренне, искренне.

Сцена в ЗАГСе... Усталая, приривавшая ежедневно регистрировать только смерть женщины плачет, глядя на невестку откуда завытиски женщина и невесту. Прекрасно проводит эту свою единственную сцену артистка Г. Самородова: «Если вы хотите пожениться, значит, кто-нибудь может даже прийти с товарищами?» Воскресания сцены вера в жизнь в ее словах и слезах.

Оттаивают сердца товарищей Алексея С товарищавымко дружелюбием и возмущением рассматривают они свидетельством о браке... «Зверь» Шустов первый протягивает Казанцеву сахар для Ольги.

«Я тебе говорю, у нас маровые ребята», — радостно восклицает Алексей. Вот они перед нами: молодой сержант Крылов (А. Соколов), худощавый, с темным лицом. Его грубость — своего рода защитная броня, прикрывающая тонкую, ранимую душу. Радостно Шустов с просветленным лицом и кукольным рафинидам на ладони... Воеводин (В. Давылов), желчно хлюпящий бытлуу свою любовь и вдруг осмущивший, что она, эта любовь, не оставила его, во сделала лучше.

Все они пришли в казарму только на отдых. Они не героизируют, и, как сказано у Берггольц, «взгляни и жальность и кровью своей запятаны великий горюче».

О горюче человека над собой, над темпыми силами, над жестокостью судьбы свой спектакль молодой режиссер В. Шульман и его товарищи. И еще — о дороге Ленинграда и ленинградцах.

А. ЧЕРНЫШЕВА.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Алексей и Ольга» в театре имени С. М. Кирова. Оля Кошкина (Е. Гусева) и Алексей Казанцев (Ю. Машинки). Фото В. Обуховской.